

Альбина
НУРИ

**БРИЛЛИАНТОВЫЙ
БЕРЕГ**

Москва

**Читайте мистические
триллеры Альбины Нури
в серии «За гранью реальности»:**

Вычеркнутая из жизни
Пропавшие в раю
Отмеченная судьбой
Очарованная мраком
Плененные тайной
Пятый неспящий
Обреченные на страх
Пассажир своей судьбы
Глоток мертвой воды
Дорога в мир живых
По разные стороны вечности
Черные души праведников
Тот, кто стоит снаружи
Город мертвецов
Плачущий лес
Погребенные за мостом
Тихий дом
Варварин остров
Гиблые земли
Ведьино поле
За приоткрытой дверью
Сквозь страх
Дети черного болота
Пучина скорби
Бриллиантовый берег
Девятый день

Альбина
НУРИ

**БРИЛЛИАНТОВЫЙ
БЕРЕГ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Нури, Альбина.
Н90 Бриллиантовый берег : [роман] / Альбина
Нури. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.
ISBN 978-5-04-223669-3

Катарина шокирована смертью своей единокровной сестры. Сара отдыхала в отеле «Бриллиантовый берег», а вскоре после возвращения неожиданно для всех покончила с собой. Его мать Миа, убитая горем, попросила съездить в этот отель и попробовать выяснить, что там произошло с Сарой и подтолкнуло ее к страшному решению...

Катарина заселилась в «Бриллиантовый берег», где все казалось идеальным. Но странности не заставили себя долго ждать. Вскоре девушка увидела в коридоре призрачную женщину в вечернем платье, потом обнаружила, что в ее номере живет совсем другой человек. Она начала понимать, что отель — пугающее место, из него невозможно просто уехать, поселившееся внутри зло будет преследовать тебя везде...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нури А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-223669-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАТАРИНА И ДАВИД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Я сочувствую девочке. И Стефану тоже, конечно. Огромное горе! Понимаю, я же сама мать. Хотя его, конечно, отцом называть — большая натяжка, тебе-то он нормальным папой никогда не был, даже не пытался. — Хелена закинула ногу на ногу, поправила подол платья и выдохнула облачко дыма. Сигарета слегка подрагивала в тонких пальцах. — А вот чего я не понимаю, так это того, как можно не позвать тебя на похороны и только теперь просить приехать.

— Они звали, мам, сколько раз говорить, — вздохнула Катарина.

Если можно было найти хоть малейший повод упрекнуть бывшего мужа и его жену, Хелена всегда его использовала. Обида не тускнела с года-

Бриллиантовый берег

ми, каждый раз находились новые подтверждения того, как ужасно поступил когда-то Стефан.

Катарина давно к этому привыкла.

Мать и дочь сидели на балконе дома Хелены, откуда открывался прекрасный вид на город. Катарине нравилось любоваться этой панорамой в любое время суток, она любила Баня-Луку. Сейчас почти девять вечера, на город потихоньку наплывали сиреневые сумерки, начали загораться первые огни. Узкая извилистая улочка, на которой стоял дом, взбиралась на гору, дома теснились на склоне, как ласточкины гнезда. Шум большого города — второго по величине в Боснии и Герцеговине — почти не доносился наверх, женщины беседовали в тишине.

— Могли быть и понастойчивее! — не уступала Хелена. — Что Стефан, что эта его.

Назвать жену бывшего мужа по имени было выше ее сил. Миа всегда была «эта» и «та женщина».

Телефон Катарина выключила, поэтому три дня находилась «вне зоны действия Сети». Сама так решила: требовалось отдохнуть, привести мысли в порядок. Время от времени (в действительности — весьма редко) молодая женщина устраивала себе перезагрузку и с этой целью обычно уезжала в Тузлу — это было ее место силы. Снимала маленькую квартирку (всегда у одной и той же милой женщины), купалась

АЛЬБИНА НУРИ

в знаменитых Паннонских соленых озерах, загорала и, забыв про вечную диету, килограммами ела мороженое, которое продавали в любимом кафе Катарини в центре, в Старом городе.

Не хотелось, чтобы ее беспокоили. Имеет же человек право хоть на три дня отключиться от мира, социальных сетей, звонков, сообщений? Жили люди без всего этого, обходились еще в недавнем прошлом. Письма друг другу писали. Ждали встречи.

Сегодня днем, выезжая из Тузлы, Катарина включила телефон, тогда-то ее и настигло жуткое известие. Сара, единокровная младшая сестра, покончила с собой. Похороны уже состоялись. Отец позвонил и попросил приехать.

— Мама, ты сама их везде заблокировала, вы уже лет десять не разговариваете. А я была вне доступа. И хватит об этом. Съезжу к ним завтра.

Катарину стало раздражать бессмысленное препирательство. Человек умер, совсем молодой, между прочим: всего-то двадцать два года. Подробности она еще не знала, с новой семьей отца (да и с ним самим) была не слишком близка, но сам факт! А мать все о своем.

— Ладно, Катарина, делай как знаешь. Соблезнования от меня передай.

Хелена затушила сигарету в пепельнице и этим подвела итог разговору. Наверное, чисто по-человечески, как мать (она и сама так сказа-

Бриллиантовый берег

ла) Хелена сочувствовала горю родителей, потерявших свое дитя, но в глубине души, скорее всего, пусть и не признаваясь себе, думала о карме, возмездии и бумеранге.

— Как идут дела? — спросила Катарина, имея в виду гостевой дом.

Трехэтажный дом Хелены был разделен на маленькие квартирки с отдельными входами — три на первом этаже, две на втором. Третий этаж занимала хозяйка, там располагались гостиная, столовая, совмещенная с кухней, ванная комната и две спальни: одна принадлежала Хелене, а во второй когда-то, пока не съехала от матери в съемную квартиру, спала Катарина. В комнате и сейчас все было как в день отъезда — письменный стол, полки, шкаф, кровать возле окошка.

— Ой, да что говорить.

Мать махнула рукой, повернулась и ушла в гостиную. Катарина, помедлив, последовала за ней. Дом они строили с отцом, а потом он ушел к другой, и Хелена так и не оправилась от потрясения. Кажется, на ее лице навечно застыло выражение изумления и обиды.

— А все-таки? Кажется, все номера заняты. Не пустуют.

Хелена переместилась на кухню, собираясь сварить кофе.

— У меня пита есть, будешь?

— С сыром или с картошкой?

АЛЬБИНА НУРИ

— С тыквой.

— Нет, спасибо. Не люблю тыкву, ты же знаешь.

Мать пожала плечами.

— Забывать стала. Приходила бы почаще, я бы помнила.

Катарина знала: все она помнит. Это лишь способ упрекнуть — грубый и слишком очевидный.

— Приезжаю когда могу, — сухогато произнесла она. — Каждую неделю у тебя бываю.

— Отмечаешь в своем ежедневнике? — саркастически отозвалась Хелена.

Отношения у них всегда были сложные, и то, что Катарина много лет назад категорически отказалась впрягаться в семейный бизнес по сдаче жилья внаем, положения не улучшило.

— Мамуль, перестань, хватит ссориться. — Катарина подошла и обняла мать, прижалась щекой к ее волосам. От них пахло шампунем с фруктово-ягодным ароматом. — Расскажешь, что не так?

— Вчера немец — ты помнишь его, на первом этаже жил с женой и внучкой, у них еще машина громадная, половину улицы занимает, когда едет, — написал отрицательный отзыв, три звезды всего поставил из десяти. Я ему написала сообщение, вежливо, мол, вы уж, пожалуйста, оцените повыше, я ведь стараюсь, одинокая жен-

Бриллиантовый берег

щина, непросто со всем справляться. Так он ответил, что уже, зная это, накинул две звезды, а то единицу бы вlepил за грязь в комнатах. Представляешь, хам какой?

Хелена резкими, порывистыми движениями открывала и закрывала дверцы холодильника и шкафов, доставая сахар, печенье, питу, молоко. В воздухе поплыл аромат кофе, который Катарина разливала по чашкам.

Вслух она соглашалась с матерью, поддерживала ее, говорила, какой гад этот немец, но на самом деле была с ним согласна. Мать держала гостевой дом уже много лет, но природная неряшливость мешала, никакой опыт не мог помочь. Два жильца, которые постоянно снимали у нее квартирки на втором этаже, свыклись, давно сдружились с Хеленой, не обращали внимания на некоторые вещи, к тому же она не задирала цены и не выдвигала требований об отсутствии животных или абсолютной тишине после десяти вечера.

Но новые постояльцы — туристы, толпами приезжающие в город и снимающие апартаменты через популярные сервисы по поиску жилья, — зачастую бывали гораздо более придиричивыми. Мать не утруждала себя тщательным мытьем полов и чисткой сантехники, могла забыть принести бумажные полотенца и мешки для мусора. Белье нередко было плохо выглажено,

АЛЬБИНА НУРИ

в санузле попахивало сыростью, занавески были пыльными, а окна — мутноватыми. Где-то дверца шкафа отваливается, где-то посуда со сколом.

С точки зрения терпимой к беспорядку Хелены, это были мелочи, и, если жильцы оказывались «одной крови» с нею, никаких проблем такое положение вещей не вызывало. Тем более что обожавшая готовить щедрая мать пекла для гостей питу и бурек, в сезон угощала их персиками, грушами, черешней, виноградом, абрикосами, которые зрели в саду за домом.

Однако на взыскательных клиентов неаккуратность Хелены производила удручающее впечатление, отсюда и нередкие конфликты, и досадные расстройтва. Убедить мать, что ей стоило бы немного изменить подход, было невозможно.

— Вкусный кофе, — одобрила Хелена. И без перехода спросила: — На работе у тебя как?

— А что на работе? Я сама себе хозяйка. Все отлично.

Даже если и не было отлично, Катарина в жизни не призналась бы матери. Иначе та заведет старую песню, что им нужно работать вместе, можно расшириться: соседний дом после смерти хозяина так никто и не купил, внукам он не нужен, отдадут почти даром. Одной Хелене с двумя домами не справиться, она не двужильная, пора Катарине выкинуть дурь из головы и взяться за нормальную работу. Глядишь,

Бриллиантовый берег

и мужчину хорошего встретит, личную жизнь устроит.

Хелена внимательно поглядела на дочь.

— Ты бледная. Глаза больные какие-то. Спишь хорошо?

— Мам, я три дня в Тузле отдыхала. Плавала, спала и ела. Никакая я не бледная, что ты выдумываешь? В дороге устала немного.

— Переночуй дома, — предложила мать, прекрасно зная, что та откажется.

«Это уже семь лет не мой дом», — подумала Катарина, но вслух сказала, что ей нужно просмотреть кое-какие бумаги. Хелена не уговаривала, она и сама привыкла жить одна, без оглядки на других.

Спустя час Катарина подъезжала к своему дому. Снимала квартиру-студию на четвертом этаже многоквартирного дома неподалеку от парка Младена Стояновича. Она любила этот парк: на огромной территории располагались прогулочные аллеи, фонтан, корты, тренажеры, беговые дорожки, лавочки. Детишки резвились на игровых площадках, пенсионеры играли в большие шахматы — фигуры доходили игрокам до колен.

Катарина любила взять кофе навынос, сунуть в уши наушники, включить музыку или подкаст и бродить по парку, представляя, как будет гулять здесь с собственным ребенком.

АЛЬБИНА НУРИ

Впрочем, последнее казалось все более несбыточным. Да и не столь желанным. Катарина начала склоняться к мысли, что может прожить жизнь одна и в этом есть определенные преимущества. По крайней мере, ничье решение или изменившиеся планы относительно твоей персоны не смогут выбить тебя из колеи, как это произошло с матерью.

Да и с ней самой, чего уж там.

Есть не хотелось, поздно уже. «В душ и спать», — думала Катарина, сбрасывая кроссовки в прихожей. Хорошо еще, успела разобрать сумки, когда приехала из Тузлы, перед тем как навестить мать. В отличие от Хелены Катарина терпеть не могла беспорядка и не смогла бы лечь в постель, оставив в коридоре котомки с грязным бельем.

Молодая женщина запустила стиральную машину, разделась и на миг замерла перед зеркалом, рассматривая себя. Среднего роста, симпатичная, даже хорошенькая, зачем скромничать: черты лица правильные, глаза большие и выразительные. Стройная, хотя бедра тяжеловаты, скоро это может стать проблемой. Грудь могла бы быть и побольше, а талия — потоньше, но тут уж ничего не попишешь. Зато шея красивая и каштановые волосы хороши: густые, блестящие — все это замечают.

«Я еще ничего», — мысленно проговорила Катарина и привычно одернула себя: «ничего» —

Бриллиантовый берег

это ноль, пустота. Она недавно слушала интервью психолога, который говорил, что нельзя размышлять о себе подобным образом. Глупо и вредно.

Катарина подумала о младшей сестре. Трагическая смерть. Вот где доподлинная глупость! Зачем принцессе, балованной папиной дочке, маминой любимой малышке, для которой открыты все возможности, убивать себя?

«Как, кстати, она это сделала? И как решили вопрос с похоронами, отпеванием в церкви? Самоубийц не отпевают, не хоронят на кладбищенской земле».

Сара была красавицей без всяких «но» и «зато». Окончила университет, и родители сделали ей подарок: купили дорогую машину (вроде бы «Мерседес»). Никаких проблем с деньгами, и нет необходимости искать работу, а если захочется, в фирме отца всегда найдется местечко для обожаемой младшей дочки. Стефан владел сетью магазинов косметики и парфюмерии.

Около месяца назад родители отправили Сару отдыхать на Адриатическое море, и она без конца постила в соцсети фотографии изумительной красоты.

А потом где-то что-то сломалось. Система дала сбой, нечто во Вселенной сдвинулось, пошло не по правилам. Двадцатидвухлетняя беззаботная красотка, золотая девочка-праздник, перед которой простиралось радужное будущее,

АЛЬБИНА НУРИ

вернулась с «Бриллиантового берега» (так называлось место, где она отдыхала) и через неделю по неведомой причине решила перестать жить.

Позже, лежа в кровати и уже засыпая, Катарина вспомнила, как узнала о рождении сестры. Катарине тогда было восемь лет, папа забрал ее из школы. Отвел в кафе, накормил мороженым и, трепеща от радости, широко улыбаясь, объявил, что у Катаринины теперь есть сестричка по имени Сара. Сару нужно любить, заботиться о ней, ведь она крошечная и беззащитная.

— Ты ее тоже бросишь, как меня? — спросила Катарина, которая уже год жила с мамой, а папу видела эпизодически.

Улыбка отца померкла, он засуетился, покраснел, сдвинул брови, заговорил быстро и сердито, теперь уж не вспомнить о чем.

Но Катарина ошиблась: Сару, в отличие от нее самой, папа не бросил.

Это Сара бросила всех, кто ее любил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда люди смотрят на меня, они думают, будто я слепой, глухой и совсем глупый, ничего не соображаю.

В чем-то они правы, со мной многое не так. Одна женщина, которая жила в соседнем доме

Бриллиантовый берег

(она была старая и давно умерла), сказала моей маме, что я ущербный.

«Ущербный» — это значит, что мне был причинен ущерб. Кем-то. Правда, не совсем понятно кем. Вероятно, богом? Когда случается пожар или наводнение, тоже говорят об ущербе, специалисты дают оценку: сколько всего пострадало, можно ли восстановить.

При ущербе, который нанесен мне, пострадало много всего. Мои ноги неподвижны, я не могу ходить, поэтому либо лежу в кровати, либо сижу в кресле-коляске, меня возят. Руки не работают как надо: не поднимаются, не опускаются, я не могу сжать пальцы или поднести ложку ко рту, хотя иногда кисти, пальцы подергиваются сами собой, непроизвольно, эти движения я почти не могу контролировать. Двинуть рукой по собственному желанию иногда получается, но очень редко. Говорить я не способен совершенно, из моего горла вылетают лишь непохожие на слова звуки.

И что самое печальное, этот колоссальный ущерб нельзя исправить. Разные врачи пробовали, но у них не получилось.

Так вот, люди правы, когда думают, что я похож на неисправный механизм: сидит в инвалидном кресле эдакая сломанная кукла с тупым, застывшим выражением на лице, смотрит не пойми куда, взгляд блуждает, глаза ворочаются в глазницах; ни на что не реагирует, не может ни встать,

АЛЬБИНА НУРИ

ни сесть, ни повернуться, ни послать подальше тех, кто тычет пальцем и прячет усмешку или отвращение.

Однако, полагая, что мои «поломки» касаются слуха, зрения и ума, окружающие ошибаются. В действительности я все-все вижу, а порой замечаю то, чего мне видеть не полагается. И слышу не хуже других: слух у меня чуткий. А соображаю так и вовсе лучше многих.

Есть и еще одна вещь (или лучше сказать, способность? Навык? Умение, как у героя компьютерной игры?), о которой я пока не буду рассказывать: рано. Иногда я думаю, что у меня забрали возможность двигаться и говорить, чтобы дать это.

Но пока о другом.

Существует в медицине явление: синдром запятого человека. Вы знали? Это о таких, как я. Некоторым еще хуже: есть те, кто может пошевелить лишь одним пальцем либо полностью обездвижен.

Не у всех больных состояние врожденное (вроде моего), большинство людей оказались парализованными (сохранив при этом сознание и личность) в результате травм или инсультов. Любой может очутиться в заложниках у собственного тела. Здорового человека от инвалида отделяет одна секунда! Не буду врать, не сам это придумал, вычитал где-то.

Бриллиантовый берег

Однако люди предпочитают не думать о грустных вещах. Считают себя бессмертными, полагают, что вечно будут молодыми и полными сил.

Некоторые говорили маме, что не стоит тратить время, пытаясь обучать калеку. Это глупые люди, невежественные. Мама прекращала общение с теми, кто так считал, высказывая свое мнение ей в лицо.

Она постоянно читала вслух, занималась со мной; учителя давали уроки — так было с раннего детства. Мне мало школьной программы, всегда хотелось знать больше, поэтому я много читаю. В основном, конечно, слушаю аудиокниги. Возможно, я поступлю в университет — почему нет?

А тот факт, что многие думают, будто я пустое место, дает некие преимущества. Люди перестают замечать калеку, считают кем-то типа смешного зверька, а то и вовсе мебелью, растением, ведут себя так, как будто они одни. А ведь наедине с собой, когда никто не видит, люди совсем другие, не такие, как перед публикой, вы замечали?

Например, один знакомый моей мамы при ней был со мной чрезвычайно мил: улыбался, хлопотал, поправлял плед у меня на коленях. А когда мама ушла, тихонечко сказал, что нет на свете справедливости. Такому уроду, как я, день-

АЛЬБИНА НУРИ

ги не нужны, все равно, где сидеть колодой — во дворце или в психушке, а вот повезло же родиться у богатой дуры.

Он ошибся, мне не все равно. В психушку я не хочу. Кто бы захотел? Я очень разозлился на того человека — не за то, что он назвал меня уродом, а за то, что сказал так про маму.

Но хватит про него. Злые люди не заслуживают, чтобы о них долго говорили и думали.

Забыл совсем, надо же представиться.

Меня зовут Давид Лазич. Мне семнадцать лет, мы с мамой живем в городе Мостар, это в Боснии и Герцеговине. Даже если вы никогда не бывали в нашей стране, то все равно знаете про Мостар и уж точно про уникальный каменный «горбатый» мост. Уверен, вы сто раз видели его на картинках и фотографиях, он знаменитый, как Эйфелева башня.

Но если все-таки не знаете, я расскажу немного. Старый мост — пешеходный арочный через реку Неретву. Он очень высокий, двадцать восемь метров, и очень древний, но в 1993 году во время войны его разрушили. Потом подняли обломки и воссоздали мост в точности таким, какой он был.

А еще говорят, разбитую чашку не склеить! Даже каменный мост можно, не просто какую-то чашку. Хотя я знаю, конечно, что в этой половице речь отнюдь не про посуду.